

Затянувшаяся дискуссия о тоталитаризме

© Б.Н. Земцов

МГТУ им. Н.Э. Баумана, Москва 105005, Россия

Рассматриваются причины появления термина «тоталитаризм» на Западе и в отечественном политическом лексиконе. Опираясь на существующую историографию, автор показывает, что в этом термине научного содержания гораздо меньше, чем политического. Проведен анализ причин использования данного понятия в отечественной академической среде.

Ключевые слова: *политический режим, тоталитаризм, холодная война, советология.*

Среди обилия научных проблем истории XX в., над которыми ученым предстоит работать, на одном из первых мест стоит анализ политических режимов. Актуальность дискуссии осложняется не столько многообразием точек зрения в академической среде, сколько идеологической борьбой. То, что уже более 60 лет на Западе советский политический режим ставится на одну доску с режимом нацистской Германии, вполне объяснимо, так как холодная война в идеологической сфере никогда не прекращалась. Но такие аналогии еще находят отклики и в нашей публицистике, что требует соответствующей академической реакции.

Прилагательное «тоталитарный» (политический режим) появилось в 1923 г. в публицистике итальянских либералов Д. Амандолы и П. Гобетти. Однако Б. Муссолини оно понравилось, поэтому идеолог итальянского фашизма Д. Джентиле с 1926 г. использовал его уже как термин и с другим содержанием.

Во второй половине 30-х гг. XX в. слово «тоталитаризм» замелькало в американской печати. В 1935 г. был издан один из первых сборников о тоталитаризме — «Диктатура в современном мире». В 1939 г. американское академическое сообщество провело первую конференцию о тоталитарном государстве.

Первым крупным академическим трудом стала книга Х. Аренд «Истоки тоталитаризма». Она ввела в научный оборот большой фактический материал по истории фашизма, и в этом плане ее книгу трудно переоценить. Большинство выводов в отношении СССР оказались нелогичны и не обоснованы, но тогда эти академические тонкости мало кого интересовали.

Превращение слова «тоталитаризм» в научный термин состоялось в 1954 г. на политологическом симпозиуме в США, где тоталитаризм был определен как «закрытая и неподвижная социокультур-

ная и политическая структура, в которой всякое действие — от воспитания детей до производства и распределения товаров — направляется и контролируется из единого центра».

В 1956 г. вышел в свет совместный труд К.Й. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия». Книга имела ошеломительный успех. Казалось, что возникло понимание природы основной внешнеполитической опасности, сложилось ее теоретическое объяснение. Изучение тоталитаризма стало составной частью всех университетских курсов США по политологии. Между тем, с академической точки зрения этот труд был довольно уязвимым. Прежде всего, не удавалось определить критерии тоталитаризма:

Ф. Боркенау в 1939 г. предлагал считать ключевым признаком тоталитаризма однопартийную систему, возглавляемую вождем единственной партии [1, с. 25];

Ф. Хайек в 1944 г. в качестве ключевой черты тоталитаризма назвал отрицание ценности человеческой личности [2];

Х. Арендт в 1951 г. и К. Фридрих в 1954 г. назвали уже пять признаков [3];

З. Бжезинский, с согласия К. Фридриха, в 1956 г. выделил шесть признаков тоталитаризма, а в 1965 г. — уже десять.

Пытаясь выйти из этого уязвимого положения, К. Фридрих и З. Бжезинский уточнили, что приведенный ими перечень признаков тоталитаризма не означает, что всякий политический режим, которому присуща хотя бы одна из указанных черт, является тоталитарным. Аналогично, отсутствие какого-то одного признака не является основанием для классификации режима как нетоталитарного. Но это означало, что четкого определения понятия «тоталитаризм» создать не удается.

В 50-е гг. XX в. на Западе между политическими режимами Италии, Германии и Советского Союза 30-х гг. однозначно ставился знак равенства. Между тем, «чем более детальному исследованию подвергали фашизм, национал-социализм, большевизм, тем больше обнаруживалось отличий» [4]. Кроме того, нельзя было не признать, что советский политический режим трансформируется: режимы при И.В. Сталине, Н.С. Хрущеве и Л.И. Брежнев друг друга не дублировали [5].

При расширительном толковании тоталитаризма получалось, что в той или иной степени его составляющие присутствуют в большинстве политических систем. Э. Фромм в книге «Здоровое общество» (1955) и Г. Маркузе в книге «Одномерный человек» (1964) говорят о том, что современные социумы обнаруживают ярко выраженные тоталитарные признаки. Современный человек неразвит, неиндивидуален — это зависимое, подавленное, массовое существо — в этом смысле он тоталитарен. Г. Маркузе писал: «Сам способ организации

своей технологической основы современного индустриального общества заставляет его быть тоталитарным; ибо “тоталитарное” здесь означает не только террористическое политическое координирование общества, но также нетеррористическое экономико-техническое координирование, осуществляемое за счет манипуляции потребностями, с помощью имущественных прав... Тоталитаризму способствует не только специфическая форма правительства или правящей партии, но также специфическая система производства и распределения, которая вполне может быть совместимой с “плюрализмом” партий, прессы, “соперничающих сил” и т. п.» [6, с. 4]. Это означало, что политические системы развитых стран незначительно отличаются друг от друга. Данная идея нашла отражение, например, в книге А. Мейера «Советская политическая система» (1965). А. Мейер пришел к выводу, что употребление понятия «тоталитаризм» применительно к советской государственности не имеет под собой оснований, а характеристика западной политической системы как «демократии», «открытого общества», «свободного мира» «по существу представляет собой не что иное, как наивную и безоговорочную ее идеализацию» [7, с. 113].

Тоталитарная концепция еще более зашаталась, когда в дискуссию политологов включились историки: М. Брошат, Х. Моммзен, У. Лакер, Ю. Кокка, В. Випперман, Дж. Каутский и др. Их работы, посвященные истории фашистской Германии и сталинизму, неизменно оказывались гораздо глубже. отождествление нацизма и сталинизма они однозначно отвергли. Так, Дж. Каутский в середине 1960-х гг. писал: понятие «тоталитаризм» имеет лишь прикладное значение. По его мнению, это понятие возникло в 1930-е гг. для определения фашистских режимов в Италии, Германии и СССР, а в 1960-е гг. оно уже не отвечало уровню теоретических знаний, недостаточно учитывало различия между коммунистической и фашистской системами [8, с. 90]. Поразительно, но наиболее последовательными противниками отождествления фашизма с иными диктаторскими режимами оказались немецкие ученые, полагавшие, что гитлеровский режим нельзя ставить в один ряд с другими тоталитарными режимами, поскольку это затушевывает его историческую уникальность [9, с. 22].

К середине 60-х гг. XX в., т. е. достаточно быстро, концепция тоталитаризма, в силу ее академической уязвимости, в странах Запада была отвергнута. Кроме того, авторов тяготила ее изначально заданная политизация. Позднее, в начале 1990-х гг., М. Рейман отметил, что в западной литературе существует «...несомненная и непреодоленная» зависимость подхода к содержанию сталинизма от идейно-политических факторов и колебаний политической конъюнктуры» [10, с. 200]. При этом, критикуя несовершенную теоретическую кон-

струкцию, западные исследователи подчеркивали, что полностью отказаться от нее невозможно [11, с. 5].

В отличие от ученых, идеологи стран Запада не сомневались в правомерности применения по отношению к СССР термина «тоталитаризм» и использовали его самым широким образом. В США это происходило в силу их имперского взгляда на мир. Воспринимая себя как передовую нацию, а свою страну — как носителя универсальных ценностей и институтов, американские правительства методично добивались гегемонии во всех регионах мира [12, с. 555]. В отличие от остальных стран Запада, США создали империю другого типа, т. е. вместо захвата территорий они экономическим или политическим путем расширяли сферы влияния [13, с. 7]. В программном плане это проявлялось во внешнеполитических доктринах: «Доктрина Монро» (1823), «Дипломатия канонерок» (1901–1909), «Политика добрососедства» (начало 1930-х гг.), «Доктрина сдерживания» и «Доктрина Трумэна» (1947), «План Маршалла» (1948), «Доктрина Эйзенхауэра» (1957), «Принцип домино» (1960-е гг.).

Ради обеспечения своей гегемонии в 40–50-е гг. XX в. была создана доктрина «прав и свобод человека». Хотя права и свободы человека как институты возникли и развивались лишь на Западе, т. е. среди меньшей части человечества, «нарушения» этих прав использовались США и их союзниками в качестве основания для вмешательства во внутренние дела стран-нарушителей [14, с. 200].

В 40–80-е гг. XX в. основным препятствием для реализации американской внешней политики был Советский Союз. Поэтому, концентрируя внимание читателей, слушателей и зрителей на мрачных страницах советской истории, американские идеологи методично создавали образ врага.

Конъюнктурность такого подхода бросается в глаза при взгляде на политические режимы многих союзников США: Турции, стран Персидского Залива, Испании периода Франко и др.

Общепринятым считается, что тоталитаризм — это явление XX в., что одним из условий его возникновения стала необходимость ускоренной модернизации. Во второй половине XX в. тоталитарными чертами обладало большинство стран третьего мира. Но только СССР являлся сильным и последовательным оппонентом США на мировой арене.

Антисоветизм других стран Запада имел иную природу: он состоял в стремлении «снять ответственность с консервативной элиты, убрать моральные и юридические барьеры против распространения идей неонацизма и крайнего национализма» [15, с. 27]. Важно, что одними из первых на это указали немецкие историки, в частности Х. Моммзен. Их позицию поддерживали и французские историки. Так, Ф.-К. Кокен в 1969 г. отмечал, что после войны требовалось

«представить себя в лестном свете и получить ощущение чистой совести, очерняя, стирая в порошок противника... Именно сталинизм отождествляют с гитлеризмом, а не наоборот. Ясно, что это одностороннее сравнение ставит целью перенести на Сталина и его режим все гнусности, связанные с нацистским режимом, получившим единодушное осуждение... Цель авторов этого уподобления явно состоит в том, чтобы изгнать сам призрак марксизма и классово-борьбы, лишить сталинизм, а через него и “коммунизм”, всякого оправдания, лишить легитимности опыт, через который прошел СССР... Эта редуцирующая формулировка, демонизирующая сталинизм, призвана снять вину с Запада за его собственные ошибки» [16].

В конце 1980-х гг. в СССР начался политический процесс, итогом которого должно было стать создание институтов по западному образцу: гражданского общества, правового государства, многопартийности. Тогда они воспринимались как универсальные общечеловеческие ценности. Политические, экономические и идеологические основы советского строя были отвергнуты. «Появившийся идеологический вакуум был почти мгновенно заполнен единственной мощной, неплохо организованной, имевшей определенные традиции идеологической силой — концепциями “шестидесятников”, натуральных антисталинистов, сторонников “первозданного” марксизма, адептов позднего Ленина, нэпа и всевозможных альтернатив — от Чаянова до Бухарина и Троцкого, “истинной” социал-демократии Мартова и Плеханова» [17]. В 1989 г. появилась статья, в которой впервые была проведена параллель между советским строем 1930-х гг. и фашизмом [18]. Вершиной этого подхода к советской истории стали публикации бывшего члена Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлева. В частности, в 2003 г. вышла в свет его книга «Сумерки», где говорилось: «русский большевизм по многим своим идеям и проявлениям явился прародителем европейского фашизма», а также что «большевизм и фашизм руководствовались одним и тем же принципом управления государством — принципом массового насилия» [19, с. 23].

Разумеется, академические оценки были взвешенными, но это не меняло сути: большинство историков признало советский строй тоталитарным [20]. После этого, вроде бы вполне логично, историки сделали следующий шаг: началось изучение истоков тоталитаризма [21], его причин [22], социальной основы [23], механизма его утверждения [24].

Метаморфозы этого термина в отечественной науке и публицистике 1990-х гг. достаточно полно раскрыты в статьях Л. Гудкова. Завершая свой анализ, Л. Гудков писал: «Если первоначально это была предметная модель, синтезирующая социальные наблюдения и описания социальных институтов и массовых движений, то затем она стала эвристической или идеально-типической схемой интерпрета-

ции, направляющей внимание исследователей на определенный материал и задающей порядок его отбора, упорядочения» [25, с. 13].

Тем не менее, в современной историографии термин «тоталитаризм» по отношению к советскому политическому режиму продолжает применяться достаточно широко, причем делается это априори, мимоходом, как общепринятое [26]. На наш взгляд, данная ситуация вызвана рядом причин.

1. Тоталитарные концепции фактически изначально развивались в рамках политологии, т. е. тоталитаризм рассматривался как научная абстракция. Если исследователи не выходили за рамки одной страны, в крайнем случае, региона, возникали вполне репрезентативные, адекватные обобщения. Но при сравнении внешне похожих политических режимов Германии и СССР академическая стройность рассыпалась. Оказывалось, что конкретную историческую ситуацию нельзя описать абстрактными понятиями, поскольку любое понятие — это упрощение, а порой и искажение сути многофакторного и неповторимого исторического процесса.

Для характеристики политических процессов, происходивших в СССР в 1930–40-е гг., требуется не универсальный, а специфичный, единичный термин. Современный российский исследователь С.Г. Кара-Мурза предлагает пользоваться термином «советская цивилизация» [27]. С точки зрения логики он вполне приемлем, хотя, на наш взгляд, более подходящим и привычным является определение этого строя как «советский». При таком подходе анализ смещается с констатации той или иной черты к анализу причин ее появления.

2. Западные ученые (вольно или невольно) заложили неприемлемые для нас методологические подходы, заключавшиеся в анализе политических процессов с точки зрения западных духовных и политических ценностей. Итальянский фашизм и немецкий нацизм воспринимались в виде слома всех демократических институтов. Но то, что для них стало тектонической катастрофой, для России было нормой. Политическая норма — это не репрессии, на которых было сосредоточено внимание советологов, а отсутствие к началу XX в. демократических традиций и лишь зарождавшееся формирование демократических институтов. В то время политические и психологические основы для демократии еще не созрели, давление гражданского общества на власть было минимальным, поэтому первая российская конституция появилась лишь в ходе революции в 1906 г.

Реакция практически всех слоев общества на конституцию 1906 г. оказалась негативной. Для монархистов идея законодательного ограничения власти царя была не просто эмоционально неприемлемой. Они полагали, что, во-первых, идеология конституции не соответствует национальным традициям, во-вторых, не понятно с кем отныне государь будет делить власть. Социалисты же стремились не

к ограничению власти правом, а к ликвидации централизованного государства вообще и созданию на его месте системы прямой демократии. Они исходили исключительно из классового характера государства, о теории «надклассовой монархии» Л. Штейна, скорее всего, не знали. Именно такую власть с безбрежной свободой низовых органов власти большевики и создали в конце 1917 — начале 1918 гг. в виде власти Советов. Это в течение несколько месяцев обернулось развалом страны, экономики и государственной системы управления, в результате сами большевики уже к лету 1918 г. советскую систему ликвидировали, а на их месте начали создавать централизованное государство во главе с РКП(б), функции которой нигде не были определены.

3. Политический механизм стран Запада — уникальное историческое явление. Он создавался в течение многих столетий. Но в остальных регионах мира существовали и достаточно эффективно действовали свои социально-политические системы. В годы «перестройки», в условиях углубляющегося экономического и политического кризиса, советские политики и публицисты увлеклись западной моделью. Но осознание ее специфичности приходило очень медленно. Н.Б. Комова отмечает, что «идея правового государства и либеральной демократии не является вершиной политико-правового творчества». К «призывам» не только зарубежных, но и отечественных правоведов (философов, политологов) через унификацию и «стандартизацию» ключевых правовых и политических институтов прийти к созданию так называемого «современного государства», которое должно быть однотипным для всех «цивилизованных стран», следует относиться очень осторожно [28].

Можно говорить о политическом несовершенстве и экономической неэффективности советского строя в сравнении с политической и экономической системами Запада, но в тех конкретных исторических условиях Россия могла иметь такую политическую систему, которая формировалась в течение столетий. И причин этого феномена немало, поскольку, как считает проф. Е.В. Макаренков, «В первую очередь, вполне очевидно, что Российской Федерации достался довольно противоречивый советский опыт взаимодействия политической власти и государства. В СССР в течение последних нескольких десятилетий все политическое, по сути, было как бы “спрятано” внутри административного аппарата, растворено в его действиях. При этом политическая власть принадлежала высшей партийной номенклатуре, которая оказалась не самой лучшей с точки зрения эффективности государственного управления. Во-вторых, изучать политическую власть и “политическое” всегда намного сложнее, чем давать оценки действиям тех или иных государственных управленческих структур. В-третьих, реальная практика подтверждает, что дей-

ствия современной политической власти и органов управления в России далеко не всегда последовательны, идеологически обоснованы и эффективны для общества» [29, с. 423].

Начавшаяся в конце 1980-х гг. дискуссия по проблемам советского политического режима, конечно, была нужна. Но накопившегося в историографии материала вполне достаточно, чтобы поставить в ней точку.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Borkenau F. *The Totalitarian Enemy*. London, 1939, p. 25.
- [2] Хайек Ф.А. *Дорога к рабству*. Москва, Экономика, 1992, 176 с.
- [3] Арендт Х. *Истоки тоталитаризма*. Москва, ЦентрКом, 1996, 672 с.
- [4] Люкс Л. Большевизм, фашизм, национал-социализм — родственные феномены? Заметки к одной дискуссии. *Katholische Universität Eichstätt-Ingolstadt*. URL: <http://www.ku-eichstaett.de/fileadmin/190806/Netzwerk/projekt-1-quelle11.pdf> (дата обращения 20.06.2015).
- [5] Deutscher I. *Russia in Transition. Ironies of History. Essays on Contemporary Communism*, London, 1967, p. 27–51.
- [6] Маркузе Г. *Одномерный человек: Исследование идеологии развитого индустриального общества*. Москва, REFL-book, 1994, 368 с.
- [7] Meyer A. *The soviet political system interpretation*. New York, 1965.
- [8] Kautsky J. *Political Change in Undeveloped Countries: Nationalism and Communism*. New York, 1965.
- [9] Гудков Л. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2001, № 5, с. 20–29.
- [10] Рейман М. *Заметки по проблеме сталинизма в историографии России XIX–XX вв. Взгляд зарубежных историков*. Москва, Наука, 1996, 253 с.
- [11] Мороз К.В. *Феномен тоталитаризма в американской историографии. (1930–1980-е годы): автореф. дис. ... докт. ист. наук*. Кемерово, 2006, 50 с.
- [12] Мальков В.Л. *Путь к имперству. Америка в первой половине XX века*. Москва, Наука, 2004, 604 с.
- [13] Савченко Е.О. Анализ имперского характера внешней политики США. *Вестник РУДН. Серия Международные отношения*, 2009, № 4, с. 5–13.
- [14] Иваненков С.П., Павленко В.В. Американская идеология — это современная эллинистическо-римская философия гегемона. *Ученые записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии*, 2009, 2(34), с. 212–226.
- [15] Кудряшов С. Пугало для некрофилов. *Родина*, 2008, № 1, с. 23–30.
- [16] Кокен Ф.К. Размышления об отождествлении сталинизма и гитлеризма. *Перспективы. Фонд исторической перспективы*. URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=39852> (дата обращения 20.06.2015).
- [17] Сахаров А.Н. О новых подходах в российской исторической науке. 1990-е годы. *Институт российской истории РАН*. URL: <http://iri-ran.ru/izdannoe/saharov-o-novuyih-2.html> (дата обращения 20.06.2015).
- [18] Орлов Б.С. Германия и СССР в 30-е гг.: сходство и различия. *Тоталитаризм как исторический феномен*. Москва, Философское общество СССР, 1989, с. 97–108.
- [19] Яковлев А.Н. *Сумерки*. Москва, Материк, 2003, 687 с.
- [20] Бакунин А.В. *Советский тоталитаризм: генезис, эволюция, крушение*. Екатеринбург, Ин-т истории и археологии, 1993, 110 с.

- [21] Лунев С.И. 70 лет истории и три этапа тоталитаризма в СССР. *Тоталитаризм как исторический феномен*. Москва, Философское общество СССР, 1989, 395 с.
- [22] Сениявский А.С. Проблемы модернизации России в XX веке: диалектика реформизма и революционности. *Сборник материалов конференции «Россия в XX веке: реформы и революции»*. В 2 т. Т. 1. Москва, 2002, с. 55–69.
- [23] Сахаров А.Н. Революционный тоталитаризм в нашей истории. *Коммунист*, 1991, № 5, с. 61–65.
- [24] Лукин Ю.Ф. *Сопrotивление тоталитаризму, активность и протест в истории советского общества: автореф. дис. ... докт. ист. наук*. Москва, 1993, 44 с.
- [25] Гудков Л. «Тоталитаризм» как теоретическая рамка: попытки ревизии спорного понятия. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 2001, № 6 (56), с. 13–30.
- [26] Буторов С.А. Преодоление тоталитарного прошлого в современной культуре. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 2014, № 5 (61), с. 25–33.
- [27] Кара-Мурза С.Г. *Советская цивилизация*. В 2 т. Т. 1. Москва, Алгоритм, 2001.
- [28] Комова Н.Б. *Монархическая власть в консервативных государственно-правовых учениях России XVIII–XX вв.: дис. ... докт. юр. наук*. Нижний Новгород, 2012, 345 с.
- [29] Макаренков Е.В. Власть и управление от Сталина до Путина: движение есть, а результат? *Безопасность Евразии*, 2009, № 1 (35), с. 423–426.

Статья поступила в редакцию 01.07.2015

Ссылку на эту статью просим оформлять следующим образом:

Земцов Б.Н. Затянувшаяся дискуссия о тоталитаризме. *Гуманитарный вестник*, 2015, вып. 11. URL: <http://hmbul.ru/catalog/hum/histarch/316.html>

Земцов Борис Николаевич — д-р ист. наук, профессор, заведующий кафедрой истории МГТУ им. Н.Э. Баумана. e-mail: zemtsovbn@mail.ru

Prolonged discussion about totalitarianism

© B.N. Zemtsov

Bauman Moscow State Technical University, Moscow, 105005, Russia

The article delves into the reasons of appearing the term «totalitarianism» in the western and domestic political vocabulary. The research relies on the existing historiography and indicates that this term is much less scientific than political. We analyze reasons of using this term in the Russian academic environment.

Keywords: political regime, totalitarianism, Cold War, Sovietology.

REFERENCES

- [1] Borkenau F. *The Totalitarian Enemy*. London, 1939, 25 p.
- [2] Hayek F.A. *Doroga k rabstvu* [The road to slavery]. Moscow, Ekonomika Publ., 1992, 176 p.
- [3] Arendt H. *Istoki totalitarizma* [Totalitarian sources]. Moscow, TsentrKom Publ., 1996, 672 p.
- [4] Luks L. *Bolshevizm, fashizm, natsional-sotsializm — rodstvennyye fenomeny? Zametki k odnoi diskussii* [Bolshevism, fascism, national socialism – related phenomena? Notes to a discussion]. Available at: <http://www.ku-eichstaett.de/fileadmin/190806/Netzwerk/projekt-1-quelle11.pdf> (accessed 20 June 2015).
- [5] Deutscher I. *Russia in Transition. Ironies of History. Essays on Contemporary Communism*, London, 1967, pp. 27–51.
- [6] Marcuse G. *Odnomernyi chelovek: Issledovanie ideologii razvitoogo industrialnogo obshchestva* [One-dimensional person: Research of ideology of the developed industrial society]. Moscow, REFL-book Publ., 1994, 368 p.
- [7] Meyer A. *The soviet political system interpretation*. New York, 1965.
- [8] Kautsky J. *Political Change in Undeveloped Countries: Nationalism and Communism*. New York, 1965.
- [9] Gudkov L. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny — Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 2001, no.5, pp. 20–29.
- [10] Reyman M. *Zametki po probleme stalinizma v istoriografii Rossii XIX–XX vv. Vzglyad zarubezhnykh istorikov* [Notes on a Stalinism problem in a historiography. Russia in the XIX–XX centuries. Look of foreign historians]. Moscow, Nauka Publ., 1996, 253 p.
- [11] Moroz K.V. *Fenomen totalitarizma v amerikanskoy istoriografii. (1930–1980-e gody)*. Avtoref. Dokt. Diss. ist. nauk [Phenomenon of totalitarianism in the American historiography. (1930–1980)]. Author's abstract of diss. in History. Kemerovo, 2006, 50 p.
- [12] Malkov V.L. *Put k imperstvu. Amerika v pervoy polovine XX veka* [Toward the Empire: America in the first half of the XX century]. Moscow, Nauka Publ., 2004, 604 p.
- [13] Savchenko E.O. *Vestnik RUDN. Seriya Mezhdunarodnye otnosheniya — PFUR Bulletin. Ser. International relations*, 2009, no. 4, pp. 5–13.
- [14] Ivanenkov S.P., Pavlenko V.V. *Uchenye zapiski Sankt-Peterburgskogo imeni V.B. Bobkova filiala Rossiiskoy tamozhennoy akademii — Scientific notes of Bobkov St. Petersburg branch of Russian Customs Academy*, 2009, no. 2 (34), pp. 212–226.
- [15] Kudryashchov S. *Rodina — The Motherland*, 2008, no. 1, pp. 23–30.

- [16] Koken F.K. *Perspektivy. Fond istoricheskoy perspektivy — Prospects. The fund of historical prospect*. Available at: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=39852> (accessed 20 June 2015).
- [17] Sakharov A.N. *Institut rossiiskoy istorii RAN — Institute of Russian History RAS*. Available at: <http://iri-ran.ru/izdannoe/saharov-o-novyih-2.html> (accessed 20 June 2015).
- [18] Orlov B.G. *Germaniya i SSSR v 30-e gg.: skhodstvo i razlichiya. Totalitarizm kak istoricheskij fenomen* [Germany and the USSR in the 30th: similarity and distinctions. Totalitarianism as historical phenomenon]. Moscow, Philosophical society USSR Publ., 1989, pp. 97–108.
- [19] Yakovlev A.N. *Sumerki* [Twilight]. Moscow, Materik Publ., 2003, 687 p.
- [20] Bakunin A.V. *Sovetskiy totalitarizm: genezis, evolyutsiya, krushenie* [Soviet totalitarianism: genesis, evolution, crash]. Ekaterinburg, the Institute of History and Archaeology, 1993, 110 p.
- [21] Lunev S.I. *70 let istorii i tri etapa totalitarizma v SSSR. Totalitarizm kak istoricheskij fenomen* [70 years of history and three stages of totalitarianism in the USSR. Totalitarianism as historical phenomenon]. Moscow, Philosophical society USSR Publ., 1989, 395 p.
- [22] Seniavskiy A.S. *Problemy modernizatsii Rossii v XX veke: dialektika reformizma i revoliutsionnosti* [The problems of modernization in Russia in the twentieth century: the dialectic of reformism and revolution]. *Sbornik materialov konferentsii «Rossiya v XX veke: reformy i revoliutsii»* [Proceedings of the conference «Russia in the twentieth century: reforms and revolutions»]. In 2 vols., vol. 1. Moscow, 2002, pp. 55–69.
- [23] Sakharov A.N. *Kommunist — Communist*, 1991, no. 5, pp. 61–65.
- [24] Lukin Iu.F. *Soprotivlenie totalitarizmu, aktivnost i protest v istorii sovetskogo obshchestva*. Avtoref. Diss. Dokt. ist. nauk [The resistance to totalitarianism, activity and protest in the history of Soviet society. Author's abstract of diss. in History]. Moscow, 1993, 44 p.
- [25] Gudkov L. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny — Monitoring of public opinion: economic and social changes*, 2001, no.6 (56), pp. 13–30.
- [26] Butorov S.A. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kultury i iskusstv — Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts*, 2014, no. 5 (61), pp. 25–33.
- [27] Kara-Murza S.G. *Sovetskaya tsivilizatsiya* [Soviet civilization]. In 2 vols., vol.1. Moscow, Algoritm Publ., 2001.
- [28] Komova N.B. *Monarkhicheskaya vlast v konservativnykh gosudarstvenno-pravovykh ucheniyakh Rossii XVIII–XX vv.* Diss. Dokt. jur. nauk [Monarchical power in conservative state and legal doctrines of Russia XVIII-XX centuries. Dr. Law Sci. Diss.]. Nizhniy Novgorod, 2012, 345 p.
- [29] Makarenkov E.V. *Bezopasnost Evrazii — Security of Eurasia*, 2009, no. 1 (35), pp. 423–426.

Zemstov B.N., Dr. Sci. (Hist.), Professor, head of History Department at Bauman Moscow State Technical University. e-mail: zemstovbn@mail.ru